

С М Ъ С Ъ.

Существуетъ-ли теорія Словесности и при какихъ условіяхъ возможно ея существованіе?—Когда Батюшковъ началъ свое описаніе Финляндіи, то говорилъ: «Я иду о странѣ, близкой къ полюсу, сосѣдной Гипербореѣскому морю, гдѣ природа бѣдна и угрюма, гдѣ солнце грѣетъ всего въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ и проч.» Подобно этому, имѣя намѣреніе разсуждать о Словесности, я долженъ сказать:

«Я рѣшаюсь писать о предметѣ, всѣмъ намъ близкомъ; но въ которомъ господствуетъ еще первобытный мракъ хаоса и современная бѣдность смысла, гдѣ только иногда мелькало что-то похожее на свѣтъ; но въ сущности преобладали ночь и дичность».

Чтобы наше рѣшеніе не показалось рѣзкимъ, стоитъ только просмотрѣть всѣ извѣстныя у насъ учебники Словесности, вполне оправдывающіе скептической вопросъ, поставленный нами въ оглавленіи статьи. Послушайте возгласы бѣдныхъ питомцевъ какого-угодно заведенія, прислушайтесь къ общему мнѣнію свѣта: «Скучная, несносная теорія!» говорятъ всѣ. «Да когда мы кончимъ эту теорію? Ради Бога, избавьте насъ только отъ теоріи!» Привести-ли образчикъ опредѣленій, которыми щеголяетъ у насъ Словесность? Вообразимъ, что экзаменуется юноша, еще мало искусившійся въ теоріяхъ.

— «Скажите мнѣ, что такое драма?» Спрашиваетъ экзаменаторъ. — Драма? Драма, греческое слово, означаетъ дѣйствіе: отвѣчаетъ юноша, припоминая опредѣленіе одного изъ незатѣпливыхъ учебниковъ. — «Нѣтъ!» говоритъ рѣшительно экзаменаторъ. — Драма... начинаетъ юноша вновь: это такая борьба, гдѣ мы видимъ своими глазами..... «Нѣтъ и нѣтъ!» — Драма, представленіе на сценѣ..... — «Нѣтъ! повторяю вамъ». Юноша совершенно мѣшается, встрѣтитъ нѣсколько разъ сильный отпоръ.

— «Ничего не знаете!» говоритъ экзаменаторъ. «Никакого самостоятельнаго взгляда! Драма есть объективное представленіе идеальнаго въ реальномъ по отношенію къ единству дѣйствія и къ сущности содержанья».

Не-мудрено послѣ этого, что многіе мыслящіе люди рѣшили у насъ окончательно, что преподавать теорію Словесности значить по-пустякамъ убивать время.

Въ чемъ преимущественно выразилась наша дѣятельность по этому предмету? Въ программахъ. Много было ихъ написано и даже напечатано; можно надѣяться, что еще много будетъ сочинено вновь. Но если-бы и всѣ эти программы собрать въ одну книгу, то нисколько не доставимъ духовной пищи учащимся, которые должны питаться по прежнему остатками давно умершей науки. Мы видѣли различныхъ юношей, приготовляющихся къ различнымъ экзаменамъ, и душевно скорбѣли объ ихъ безотрадномъ положеніи. Каково бѣдному работнику носить груды камней на высокіе лѣса — носить, носить... А зданіе все-таки не строится!

По многимъ обстоятельствамъ нельзя винить нашихъ педагоговъ за то, что они такъ медлятъ дарить насъ хорошими руководствами; но не слѣдуетъ также предписывать программъ, которыхъ выполненіе возможно только въ рапортѣ, подаваемомъ ежегодно начальству.

Любопытно однако прослѣдить, въ какомъ положеніи находится наша ветхая Словесность.

Когда она еще важно ходила въ парикѣ и въ величественной одеждѣ риторики съ длиннымъ шлейфомъ фигуръ, поддерживаемымъ хріями, она сама была очень почтенная фигура. Всякій по-крайней-мѣрѣ зналъ, что это за особа. Источники изобрѣтенія отворяли дверь прямо въ ея кабинетъ, гдѣ въ невозмутимомъ спокойствіи, какъ докторъ-автоматъ, прописывала она свой рецептъ на каждую мысль, на каждое чувство. Тогда безъ джкъ рождалась на свѣтъ и мысль, и чувство. Нужно было изобразить умиленіе, и готовый составъ умиленія стоялъ подъ ярлыкомъ на полкѣ. Тогда знали, что начинать сочиненіе надо съ начала, а кончать концемъ. Но время шло впередъ — и величественная особа очень пострадала: многоэтажный парикъ ея истрепался, платье со всѣмъ обнослось. Бѣдная Словесность совсѣмъ психрѣла, между-тѣмъ какъ ея родныя сестры: Грамматика, Логика, Психологія, Эстетика — все болѣе росли и процвѣтали. Наконецъ старушкѣ пришлось умирать или, какъ фениксу, переро-

даться. Но привычка, уваженіе и любовь къ старинѣ, наша благочестивая скромность, какъ-нельзя-лучше, помогли ей. Мы отстояли учительницу слова. Нужно было однако, хоть изъ приличія, прикрыть обидную наготу ея — и вотъ, надѣлали заплатъ отъ издѣлія новыхъ идей, перешедшихъ къ намъ съ Запада. Заплатъ понадобилось такъ-много, что уже не находили нитокъ, за которыя имъ держаться — и въ такомъ видѣ осталась Словесность.

Прежде-всего мы восчувствовали стремленіе къ разработкѣ философскихъ началъ Эстетики. Явились ученія о красотѣ и о нравственной ея цѣли; явились опредѣленія въ родѣ слѣдующихъ: «Поэзія есть даръ неба, возносящійся, подобно благоуханію розы, отъ предѣловъ земли въ безконечность; поэзія есть музыка сердца, гармонія звѣздъ; скромная прелесть лиліи, разливающей ароматъ свой въ безвѣстной тиши; она имѣетъ цѣль возвысить душу, облагородить сердце, научить добродѣтели, и т. д.»

Въ слѣдъ за-тѣмъ произвела вторженіе Логика. Подобно сухому скелету, грозно стуча костями, вошла она въ область нашего знанія: въ пустомъ черепѣ уже рылись, какъ червяки, понятія и сужденія; вмѣсто прежнихъ потѣшныхъ фигуръ, расплодилось несмѣтное число умозаключеній, раскидывая безконечную паутинную ткань.

Тогда мы вспомнили стихи Державина:

«Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны —
И точить лезвее косы.»

Много-бы бѣдъ надѣлали и Эстетика и Логика, если-бы кстати не додоспѣла Грамматика и не взяла ихъ обѣихъ въ руки. Отъ видѣнія въ безконечныхъ предѣлахъ прекраснаго и умственнаго, мы вдругъ спустились къ буквѣ. Такіе скачки возможны только при современныхъ успѣхахъ движенія, произведенныхъ паровозами и телеграфами. Мы рады были, что нашли что-нибудь опредѣленное и ясное, и стали со всеусердіемъ ворочать букву. Что-такое: красота, поэзія, мышленіе, чувство? Въ сущности, это слова, выражающія извѣстныя понятія, а слова состоятъ изъ буквъ; слѣдовательно, корень всего въ буквахъ. И мы стали толковать о корняхъ и о приставкахъ. «Духъ» происходитъ, на-примѣръ, отъ глагола: «дуть». Отсюда берутъ начало также: душа, дунить, надувать — все это дуетъ, только различнымъ

образомъ. Объясните частицу: «ду», сравнивъ съ древне-Готскимъ, съ Греческимъ, съ Санскритскимъ — и выйдетъ полное понятіе о духѣ. Да не подумаютъ, что мы не цѣнимъ успѣховъ современной филологіи: мы хотимъ только показать крайность, до которой часто доходятъ люди въ ея примѣненіи. Языкознаніе, давая твердую почву умозрѣнію, грѣшитъ, какъ и всякая наука, выступая изъ своихъ предѣловъ.

Наконецъ, всѣ эти свѣдѣнія: эстетическія, логическія, этимологическія, смѣшались вмѣстѣ, образовавъ довольно пестрое единство. Намъ слѣдуетъ замѣтить, что принято было въ руководство при изданіи различныхъ нашихъ руководствъ. Большею частію, кромѣ одной научной цѣли, сюда входило и много постороннихъ:

а) Цѣль экономическая. Устроить руководство съ наименьшимъ трудомъ для себя и наибольшимъ успѣхомъ для сбыта.

б) Желаніе угодить нѣкоторымъ избраннымъ авторитетамъ, имѣющимъ не одну умственную, но и вещественную силу.

в) Желаніе угодить почтенной старинѣ, еще тамъ-и-сямъ догнивающей въ развалинахъ.

г) Желаніе угодить современности, сварливой, неугомонной, придирчивой и потому опасной. Безнадежный авторъ сунетъ мимоходомъ какую-нибудь похвалу журналу, помѣститъ два, три модныхъ взгляда или отрывка, и скажетъ: «Нате вамъ, кушайте! только не бранитесь».

Мы долго не кончили-бы, если-бы принялись исчислять всѣ роды угожденій, къ которымъ не рѣдко способенъ доброхотный авторъ. Но и тамъ, гдѣ руководства писаны были съ одною цѣлію принести пользу учащимся, они мало достигли своего назначенія по двумъ причинамъ:

1) По отсутствію всякой системы, всегда необходимой въ наукѣ.

2) По отсутствію всякаго педагогическаго метода.

Изложимъ прежде наши мнѣнія о системѣ Словесности.

Система, какъ извѣстно, не возможна безъ научнаго метода. Какой-же методъ въ настоящее время имѣетъ наибольшее примѣненіе въ каждой наукѣ? Кантъ началъ новую эпоху философіи критикою чистаго разума; аналитическій умъ Нибура поставилъ сомнѣніе началомъ исторической критики; основныя силы природы раскрываетъ нынѣ не гаданіе по звѣздамъ, а микроскопъ; а химія, разлагающая тѣла на ихъ элементы, заняла посреди естественныхъ наукъ самое видное мѣсто. Всюду нахо-

димъ мы анализъ, строгій анализъ въ основаніи какого-бы то ни было знанія. Только при внимательномъ, всестороннемъ изслѣдованіи предмета возможенъ разумный синтезъ, и только сравнительнымъ путемъ аналогіи и при помощи наведенія, метода, принятаго въ каждой реальной наукѣ со-временъ Бэкона, достигаемъ мы основательныхъ выводовъ. Должна-ли Словесность быть реальною наукой? Полагаемъ, что такъ, если ужъ и Метафизика въ настоящее время стремится къ тому-же.

По узкости взгляда, многіе у насъ понятие о реальномъ смѣшиваютъ съ матеріализмомъ. Реальнымъ называется все то, что входитъ въ кругъ дѣйствительной жизни, что выражаетъ свой сокровенный законъ въ дѣйствительныхъ фактахъ. Таковы всѣ истинныя идеи, созданіе души человѣческой и въ то-же время осязательное явленіе внѣшней жизни. Греки совершенно справедливо давали имъ эту фактичность, называя ихъ видимымъ образомъ невидимаго (*idea*, идея, отъ глагола: *idea*, видѣть). Такимъ-образомъ реальное составляетъ только внѣшнее ограниченіе идеальнаго, и въ сущности отъ него не различно. Иначе, пришлось-бы назвать идеаломъ то, что нигдѣ и никогда не существуетъ. При реальномъ характерѣ Словесности не возможно дойти до вѣрныхъ выводовъ безъ многосторонняго изученія фактовъ той жизни, которую она обнимаетъ.

Мы должны идти медленнымъ, но твердымъ путемъ изслѣдованія и сравненія, чтобы вновь не впасть въ старую схоластику, произвольно создающую правдо, годное только для исключеній. Нельзя сказать, чтобы у насъ не признавали необходимости аналитическаго метода; но мало, кто думалъ о разумномъ его примѣненіи. Многіе ограничиваются разборомъ нѣсколькихъ случайныхъ фактовъ, и по нимъ судятъ о цѣломъ родѣ. Такъ, образцемъ свѣтскаго краснорѣчія служатъ почти однѣ только рѣчи Карамзина, да Шпринскаго-Шихматаго; единственнымъ примѣромъ разсужденія являются: «Любовь къ отечеству» Карамзина, да «Согласованіе» Давыдова. Краткія путевыя замѣтки Жуковскаго принимаютъ за образецъ описанія и т. д.

Многіе напротивъ простираютъ анализъ до-того, что готовы отвергать всякій общій, неизмѣнный законъ въ созданіяхъ Литературы. Такъ, останавливаясь на отдѣльномъ фактѣ, утверждаютъ, что всякая форма сочиненія хороша, если только удовлетворяла потребностямъ вѣка, что поэма Виргилія, Адъ Данте, Клопштокъ, Гомеръ и Херасковъ, всѣ становятся подъ одинъ

уровень, если строго разсматривать ихъ съ исторической точки зрѣнія. Вѣдь снѣшно-же въ нашъ вѣкъ, столь искусный въ кражѣ, восхищаться тѣмъ, какъ Одиссей стаялъ коней у Реза, И на-оборотъ: развѣ романъ Дюма не производилъ прежде такого-же восторга, какъ «Дядя Томъ» въ настоящее время?

Подобныя сужденія, не рѣдко у насъ встрѣчаемыя, доказываютъ недостатокъ основательнаго философскаго образованія. Философскія начала Логики и Эстетики, конечно, займутъ важное мѣсто въ теоріи Словесности; но они-сами должны имѣть твердую, историческую основу, а не являться въ умѣ мыслителя, какъ саморазвитіе единицы изъ поля, не наводитъ туману на факты, а напротивъ уяснять ихъ: послѣ предшествовавшаго анализа здѣсь вполне законно принять будетъ обратный путь подведенья.

Мнѣ кажется, что еще никто изъ писавшихъ у насъ теоріи до-сихъ-поръ не позаботился основать свои выводы на всестороннемъ изученіи хотя главнѣйшихъ памятниковъ Литературы греческой, римской, средневѣковой и новѣйшей; никто не взялъ во вниманіе новѣйшихъ изслѣдованій ни по части исторіи Литературы, ни по части Логики и Эстетики: останавливаться на одномъ Аристотелѣ принято правиломъ у нашихъ теоретиковъ.

Аналитическій методъ, который находимъ мы необходимымъ при построении всякой теоріи, въ отношеніи къ Словесности можетъ назваться историческимъ методомъ. Изслѣдуя каждое произведение слова, мы должны различить, что принадлежитъ въ немъ духу времени и народному духу. Духъ вѣка и характеръ народа, налагая печать свою на литературное созданіе, составляютъ существенное его видовое отличіе. Въ то время, какъ родовыя свойства неизмѣнны, видъ бываетъ разнообразенъ до безконечности. Видъ постоянно измѣняется, иногда сохраняя отъ старины только немногіе, чисто внѣшніе признаки; виды часто смѣшиваются между-собою образуя новыя формы, или исчезаютъ безо-всякаго слѣда, какъ явленіе мѣстное, случайное. Не разсмотрѣвши внимательно всѣхъ этихъ измѣненій, мы не можемъ опредѣлить, въ-чемъ состоитъ сущность извѣстнаго рода сочиненій. Не случилось-ли вамъ безпрестанно читать и слышать подобныя толкованія: «Исторія бываетъ трехъ родовъ: философская, прагматическая и художественная», «Драма занимаетъ средину между трагедіей и комедіей», «Цѣль поэзіи есть нравственно-идеальное», «Романъ долженъ изображать пороки современнаго общества» и т. д.

Нѣтъ ничего также забавнѣе, какъ видѣть дѣленіе лирики, эпоса, драмы на неизмѣнные рубрики, подобно тому, какъ въ естественной исторіи къ царству животныхъ относятся: рыба, птица, четвероногихъ, пресмыкающихся. Куда принадлежитъ баллада: къ лирикѣ или къ эпосу? Какъ сладить съ сатирою, съ баснею, съ идилліей? «Рыбакъ» Теокрита, конечно, идиллія, а гдѣ представлены не рыбаки, не поселяне, тамъ можетъ-ли быть также идиллія? Элегія означаетъ грустную пѣснь: отчего-же нѣтъ особеннаго названія для пѣсни, выражающей радость, страхъ, удивленіе, надежду, и проч. А романсъ? Какъ это забрались въ Поэзію стихотворенія, подобныя слѣдующимъ:

«Люди добрые! внемлите
Печали сердца моего»

Смысла мало, а между-тѣмъ всѣ говорятъ: «прекрасный романсъ! прекрасная музыка!» Гердеръ и у насъ Жуковский переводили какіе-то романсы о Сидѣ: не происходятъ-ли и наши гостинныя пѣснопѣнія отъ этихъ? Вотъ вопросы, которые совершенно сбиваютъ съ толку мыслящихъ теоретиковъ. Новѣйшія руководства однако отличаются тѣмъ, что въ нихъ изгнаны: мадригалъ, рондо, тріолеть. За-что такая немилость, совершенно непонятно: если считать ничтожною игру созвучій, то придется выбросить изъ поэзіи лучшія пѣсни Беранже, которыхъ вся сила въ рефренѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что виды литературныхъ произведеній могутъ быть объяснены только исторически: иначе лучше же употреблять голыхъ названій, дающихъ одно сбивчивое понятіе. Сколько придумали подраздѣленій для однихъ поэмъ! Поэма лирическая, сатирическая, историческая, героическая! Представлять всѣ эти виды, какъ отдѣльно и самостоятельно существующіе, крайне затруднительно: нашлись-бы сотни фактовъ, которыхъ нельзя подвести ни подъ одинъ изъ нихъ. Элементъ историческій, проникнувъ въ жизнь, отражается во всякой отрасли знанія; онъ отражается, какъ въ эпосѣ, такъ въ лирикѣ и въ драмѣ. Слѣдовательно, важно объяснить его вліяніе на Поэзію вообще. Говоря-же въ особенности объ исторической поэмі, мы должны указать мѣстныя условія, при которыхъ возможно ея существованіе. Здѣсь предѣлъ общей теоріи, здѣсь начинается раздробленіе видовъ до безконечности. Можно предположить, что лирика, сатира, исторія, героизмъ соединятся въ равной мѣрѣ при созданіи какой-либо поэмы; тогда необходимо выдумать новый видъ: лиро-сатиро-героико-историческую поэму. Вѣдь нашли-же лиро-эпическую поэзію, траги-комическую драму. Условіе всякаго логическаго

дѣленія есть какой-нибудь одинъ основной признакъ. Какое-жъ основаніе можетъ быть тамъ, гдѣ и форма, и содержаніе, и случайное, и существенное, и частное, и общее, безразлично смѣшиваются вмѣстѣ. Но мы такъ привыкли къ схоластикѣ, что вмѣсто прежнихъ названій безпрестанно придумываемъ новыя, все чиня старыя заплаты.

Какіе періоды въ исторіи литературы особенно важны для разъясненія теоріи, указываетъ намъ сама исторія.

Сюда относятся:

1) Первое развитіе родовъ и видовъ словесныхъ произведеній у Грековъ, этого въ высшей степени логическаго народа.

2) Новое развитіе родовъ и видовъ въ средневѣковой Литературѣ.

3) Современное намъ движеніе Литературы — съ половины прошедшаго вѣка до нынѣшняго времени.

На какомъ основаніи беремъ мы исторію въ руководство при этомъ дѣленіи? Мы уже упомянули о простомъ законѣ логики, соединяющемъ сходное и отдѣляющемъ различное. Три означенныя нами періода представляютъ самыя характеристичныя измѣненія формъ, конечно, зависящія отъ измѣненія духа.

Мы здѣсь слѣдуемъ тому-же правилу, по которому астрономъ, чтобъ узнать ядро кометы, наблюдаетъ прохожденіе ея мимо звѣзды; по которому натуралистъ находитъ основныя формы растенія въ первомъ его развитіи изъ зерна. Болѣе крупныя факты служатъ намъ образцемъ: Гомера мы назовемъ представителемъ древней эпопеи. Очень естественно, что болѣе крупныя факты даютъ полнѣйшее развитіе идеи, яснѣе указываютъ на общій законъ. И естествоиспытатель различаетъ низшій организмъ отъ высшаго тѣмъ, что въ первомъ еще не видитъ главнѣйшаго назначенія бытія: *свободнаго* движенія. Будетъ-ли здѣсь покорное признаніе авторитета? Нѣтъ! Мы говоримъ: Шекспиръ выше Расиновъ и Корнелей, не потому, что онъ Шекспиръ, а потому, что онъ болѣе удовлетворяетъ разумному закону жизни: чувствовать и дѣйствовать свободно. Этотъ разумный законъ признанъ всѣми и нечего о немъ распространяться. Виргиліи не можетъ стать на одну степень съ Гомеромъ, по той простой причинѣ, что онъ подражалъ ему. Такимъ-образомъ сравненіе фактовъ укажетъ намъ, который изъ нихъ выбрать, и авторитетомъ послужитъ то созданіе, въ которомъ менѣе всего замѣтно вліяніе авторитета.

Посмотримъ-же, на что необходимо обратить вниманіе въ указанныхъ нами періодахъ.

1. Греческая Литература съ одной стороны примыкаетъ къ восточной, съ другой къ римской. Сравненіе ея и съ тою и съ другою необходимо. Здѣсь объяснится намъ характеръ свободнаго творчества у Грековъ. Съ одной стороны, мы должны сопоставить ему религіозный формализмъ Индѣйцевъ, съ другой — ученый формализмъ римской эпохи. Философія, начавшись анализомъ въ школѣ Сократа, кончаетъ схоластикой и мистицизмомъ. Однако и у Римлянъ развились самостоятельно: исторія, замѣнившая, при практическомъ ихъ направленіи, народный эпосъ, и сатира, свойственная дидактическому направленію вѣка, въ который являлась. Лиризмъ немногихъ поэтовъ золотой эпохи, хотя и возникъ подъ вліяніемъ греческой Литературы, уже носитъ особый характеръ чувствительности, не свойственный Грекамъ. Но гораздо-важнѣе въ римской Литературѣ объяснить слѣдующія стороны: формальное ея направленіе, дидактизмъ и тотъ реально-практическій духъ, который выразился въ ихъ гражданской наукѣ.

2. Средніе вѣка представляютъ развитіе новыхъ формъ въ постоянной борьбѣ между двумя началами: элементомъ народнымъ особенно-сильно высказавшемся въ германской Поэзій, и религіозно-ученымъ формализмомъ. Въ народной Поэзій необходимо различить вліяніе востока и древне-классическихъ преданій; ветхій формализмъ, со времени изученія классиковъ римскихъ и греческихъ, постепенно уступаетъ мѣсто свободному творчеству, сначала въ Италіи, а потомъ и въ другихъ странахъ. Длинный періодъ возрожденія наукъ и искусствъ въ концѣ своемъ уже представляетъ обильный матеріалъ для яснаго опредѣленія всѣхъ формъ, господствовавшихъ въ Литературѣ. Данте, Петрарка, Боккаччо, Тассо, Аріосто, Лопе де-Вега, Сервантесъ, Камонсъ, Кальдеронъ, Мильтонъ и Шекспиръ — сколько именъ, сколько образцовъ, безъ изученія которыхъ не можетъ обойтись ни одна теорія Поэзій! Съ другой стороны и наука, все болѣе разставаясь съ прежней схоластикой, находитъ новыхъ представителей въ Бэконѣ и Декартѣ.

3. Новый вѣкъ начинается новою борьбою свободной идеи съ формализмомъ. Съ одной стороны, побѣда надъ утонченной французскою схоластикой во имя Шекспира и Грековъ; съ другой — могучее развитіе романа и лирическаго элемента въ Поэзій. Между-тѣмъ какъ наука быстро движется впередъ, поэтическое

творчество замѣтно истощается въ настоящее время, ограничиваясь повтореніемъ однажды усвоенныхъ формъ. Ожидать-ли рѣшительнаго переворота, или, заключая по аналогіи, новаго господства формализма?

Мы еще не пишемъ здѣсь плана для исторіи Литературы: мы хотимъ только объяснить историческій методъ, которому слѣдуемъ. Возможно-ли какое-нибудь единство при обзорѣнн всѣхъ безконечно-разнообразныхъ видовъ литературныхъ произведеній? Безъ сомнѣнія, и виды соединяются между собою отдѣльными группами, т. е. имѣютъ свою теорію; но эта теорія опредѣляется тѣмъ или другимъ направленіемъ вѣка. При сужденіи объ каждомъ направленіи намъ, конечно, необходимо усвоить современный взглядъ на науку. Это опять не значить, что мы должны слѣдовать мнѣнію того или другого авторитета; намъ необходимо только принять во вниманіе результаты новѣйшихъ изслѣдованій, какъ по части теоріи, такъ и исторіи словесности. Современный взглядъ! Какъ пугаетъ многихъ это слово! Какъ пустоозвонно кажется оно многимъ въ слѣдствіе празднаго его употребленія! Тутъ сейчасъ приходятъ на память мелкіе дразги полемики, растлѣніе современнаго общества, — мечъ анализа, безъ разбору убивающій все и хорошее и дурное. Найдутся и такіе люди, которые не допустятъ современнаго взгляда въ Словесности, потому-что въ Англіи сильно распространены пауперизмъ въ настоящее время. Но хотѣлось-бы спросить этихъ людей: Какой-же взглядъ вы изберете? Существовавшій назадъ тому сто лѣтъ? Такъ отправляйтесь проповѣдывать между мертвецами; они одни поймутъ васъ. Вашъ исключительный, личный — издѣліе тѣсной коробки, въ которой упрятанъ вашъ собственный мозгъ? Такъ убѣждайте только своихъ близкихъ родственниковъ и пріятелей, если они захотятъ васъ слушать. «Разумный!» скажете вы — въ-такомъ-случаѣ не погнѣнитесь узнать, чего требуетъ общечеловѣческой разумъ въ послѣднихъ существенныхъ его выводахъ.

«Факты! факты! давайте намъ фактовъ!» говоритъ современность — и это требованіе нигдѣ такъ не основательно, какъ въ теоріи Литературы, которая столь-долго питалась однимъ воздухомъ умозрѣнія. Итакъ, при разборѣ видовъ, какъ уже сказали, можемъ указать ихъ единство; оно зависить:

1. Отъ народнаго характера, дающаго то или другое направленіе Литературѣ.

2. Отъ вліянія эпохи, оставляющей печать свою на каждомъ замѣчательномъ произведеніи.

Эта частная теорія необходимо войдетъ въ общую и впервые дастъ ей силу и значеніе. Общіе законы литературныхъ произведеній, конечно, могутъ быть выведены изъ каждаго образца. Возьмемъ-ли мы стихотворенія Анакреона, или Державина, все-таки узнаемъ, что лирика основана на чувствѣ. Но довольно-ли ограничиться этимъ, наполнивъ пустоту содержанія возгласами о силѣ и нѣжности чувства? Если мы хотимъ понять, какъ дѣйствуетъ это чувство, то необходимо по-крайней-мѣрѣ сравнить лирику Державина, Пушкина, Жуковского, Лермонтова, Кольцова. Пойдемъ однако далѣе. Объясненіе лирики Жуковского приводитъ къ объясненію германской, а германскую невозможно понять безъ греческой и т. д. Такимъ-образомъ теорія, указывая элементы созданія, получаетъ настоящее свое содержаніе, а элементовъ нельзя понять безъ исторіи. И въ лирической Поэзіи необходимо объяснить:

1. Элементъ, принадлежащій тому или другому народу, часто занесенный на чуждую почву чрезъ подражаніе.

2. Элементъ общественный, созданный обстоятельствами мѣста и времени.

3. Личность поэта, которая развивается всегда подъ вліяніемъ обоихъ предъидущихъ элементовъ. Державинъ, конечно, имѣетъ свой самостоятельный характеръ при выраженіи чувства; но самая выпренность его идей и образцовъ не навѣяна ли духомъ эпохи? Какъ при объясненіи лиризма Пушкина не встрѣтиться съ Байрономъ? Какъ понять Кольцова, не изучивъ простонародной Поэзіи? и т. д.

Такимъ-образомъ вездѣ исторія должна служить основаніемъ теоретическихъ объясненій. При настоящемъ положеніи нашей Словесности, я полагаю, всего полезнѣе было-бы составить хотя краткій курсъ исторіи всеобщей Литературы для употребленія въ классахъ. Образцемъ подобнаго курса, вполне удовлетворяющаго потребностямъ учащихся, можетъ служить исторія греческой Литературы, составленная въ Германіи Эдуардомъ Мункомъ для гимназій *). Мункъ, дѣлая краткій обзоръ главнѣйшихъ фактовъ, самымъ подробнымъ образомъ излагаетъ содержаніе вся-

*) Geschichte der griechischen Literatur für Gymnasien und höhere Bildungsanstalten, von Dr. Eduard Munk. Berlin, 1850.

каго замѣчательнаго произведенія Литературы. Если-бы кто принялъ у насъ трудъ сдѣлать только подобныя изложенія всѣхъ извѣстнѣйшихъ твореній, да привести мнѣнія объ нихъ лучшихъ писателей, — то и это была-бы величайшая заслуга. Въ дополненіе къ такой исторіи необходима, конечно, и хрестоматія; но на первый разъ довольно и указаннаго нами труда, чтобы принести учащимся существенную пользу. Умѣнье избрать самое характеристическое въ изложеніи — вотъ первое требованіе всякаго практическаго курса. Прибавимъ еще одно: намъ не слѣдуетъ сразу братья слишкомъ за многое. Иначе, есть опасность, что со-всѣмъ ничего не сдѣлаемъ. Довольно, если на первый разъ мы ограничимся выборомъ самыхъ оригинальныхъ писателей; но повторяемъ, что для пользы учащихся не столько необходимо систематическое изученіе всѣхъ фактовъ Литературы, сколько непосредственное съ ними знакомство при чтеніи и разборѣ содержанья. Жиденькій курсъ исторіи, наполненный именами и годами, похожъ на фальшивую бібліотечку, которая состоить изъ пустыхъ коробокъ, сдѣланныхъ въ формѣ книгъ съ различными на корешкѣ надписями. Здѣсь мы естественно переходимъ къ педагогическому методу, примѣненіе котораго, столь важное въ преподаваніи, имѣетъ свое мѣсто и въ учебныхъ руководствахъ.

Посмотрите, чѣмъ наполнены наши рукописныя и печатныя словесности! Почти во всѣхъ встрѣтите вы неизмѣнныя рубрики: О природѣ челоуѣка, о способностяхъ души и тѣла, объ умѣ, чувствѣ и волѣ, и т. д. Потомъ слѣдуютъ кое-какія свѣдѣнія изъ теоріи слога, изъ теоріи изясненнаго, изъ теоріи прозаическихъ и поэтическихъ сочиненій. Дѣти заучиваютъ наизусть туманныя или витіеватыя фразы и совершенно справедливо говорятъ: «Несносная, скучная теорія!» Странное дѣло! Всѣ убѣждены, что Словесность должна быть самымъ занимательнымъ изъ всѣхъ предметовъ, а на дѣлѣ выходитъ, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ найти занимательность въ преподаваемой у насъ Словесности. Самая Поэзія служитъ только къ истомленію памяти, и стишки, которые даютъ заучивать, часто оставляютъ однѣ горестныя воспоминанія о вовсе не-поэтическихъ поляхъ и единицахъ.

Обыкновенно говорятъ, что методъ догматическій по преимуществу удобенъ въ преподаваньи: ясно изложенное правило, подтверждаясь въ разнообразныхъ примѣрахъ, вполне удовлетворяетъ сознанію. Говорятъ также, что только при методѣ дог-

матяческомъ, обладающемъ самымъ обширнымъ синтезомъ, возможна строгая система.

Конечно, если правило и примѣры просты, то ихъ легко поймутъ воспитанники. «Сочиненіе есть стройное изложеніе вашихъ мыслей о предметѣ». Это опредѣленіе, можетъ, и не покажется со-всѣмъ пусто: воспитанникъ имѣетъ понятіе (хотя довольно темное) о томъ, что значить слова: мысль, изложеніе, стройность. Но и тутъ нельзя навѣрно поручиться, яснѣ-ли для него слова, служащія опредѣленіемъ, чѣмъ слово: «сочиненіе.» Самъ онъ, можетъ-быть, опредѣлил-бы такъ: «сочинить значить написать что-нибудь о предметѣ, и написать складно» Но положимъ, что это опредѣленіе не точно: простота, какъ извѣстно, рѣдко ладитъ съ точностью. Скажемъ-ли: «Сочиненіе есть полное развитіе вашего понятія о предметѣ?» Вотъ, ужъ тутъ придется имѣть дѣло и съ понятіемъ, и съ развитіемъ: разгоняйте туманъ, произведенный въ головѣ этими словами. Пойдемъ однако далѣе: «Сочиненіе есть синтезъ вашихъ аналитическихкихъ изслѣдованій предмета». Развѣ не вѣрно мы объясняемъ? Но синтезъ и анализъ увлекутъ насъ въ безконечную область новыхъ опредѣленій и толкованій. И вотъ, объясняя такимъ-образомъ, мы никогда не выйдемъ изъ завѣтнаго круга отвлеченныхъ понятій, а пока придуть примѣры на помощь удрученному уму, всѣ наши опредѣленія и толкованія будутъ забыты. Приведемъ еще примѣръ. «Поэзія есть воссозданіе жизни въ идеальныхъ образахъ.» Полагаемъ, что такое опредѣленіе ничѣмъ не хуже всякаго другаго. Но какую длинную лѣстницу понятій нужно пройти, чтобъ объяснить слова: идеаль и образъ. Многіе судятъ такимъ-образомъ: «Необходимо вмѣстити въ голову юношамъ, какъ-можно болѣе общихъ понятій, а уже потомъ они сами, по собственному призванію и выбору, примутся за изслѣдованіе того или другаго предмета: общія понятія и послужатъ имъ руководствомъ при этомъ изслѣдованіи.» Замѣтимъ только, что общія понятія могутъ служить руководствомъ тому, кто уже имѣетъ богатый матеріалъ знаній. Представьте, если-бы васъ привели учиться ботаникѣ въ садъ, гдѣ наставлены палочки съ надписями, вмѣсто цвѣтовъ и деревьевъ, если бы вамъ стали показывать картинную галерею и сказали-бы: «Вотъ, въ этой залѣ находятся картины фламандской школы, чудныя картины! Какъ натурально изображена на нихъ природа! Какая тонкость въ отдѣлкѣ мельчайшихъ подробностей! Каждая картинка составляетъ цѣлый міръ, и нельзя не восхищать-

ся терпѣнію и искусству художниковъ! Вотъ, видите, и надъ дверями находится надпись: «фламандская школа.» Но теперь входъ запрещенъ. Пойдемте дагѣе. Вотъ дверь, которая ведетъ въ залу итальянской живописи: тутъ Рафаэль, Микель-Анджело, Тицианъ — все имена первой знаменитости. Пойдемте дагѣе.»

Мы увѣрены, что такой методъ, кромѣ своей несостоятельности, приноситъ и существенный вредъ. Въ головѣ остается хаосъ общихъ понятій, а свойство юной, воспримчивой души таково, что она не можетъ довольствоваться пустымъ отвѣченіемъ. Не представляя положительныхъ знаній уму, мы тѣмъ-самымъ даемъ полную свободу фантазіи, которая, слѣдую неизбѣжному требованію природы, населяетъ всякое пустопорожнее мѣсто въ преподаваемой наукѣ произвольными вымыслами. Нѣтъ нелѣпости, которая не рождалась-бы при этомъ направленіи въ головѣ; но ужъ такова фантазія, не основанная на реальномъ знаніи. Тутъ часто остается желать только одного: чтобы призрачная наука вовсе не была воспринята.

Кромѣ указанной нами потребности юношескаго возраста, надо обратить вниманіе и на тотъ естественный путь, которымъ развивается всякая истинная наука. Путь анализа, какъ всякому извѣстно, одинъ ведетъ къ прочному знанію. Необходимо дать усвоить этотъ методъ, съ помощью котораго изоощряется и диалектическая способность ума, разлагающаго общее на части, и становится возможною самостоятельная дѣятельность учащихся въ образованіи синтетическихъ сужденій. Мы готовы защищать самый обширный синтезъ; но пусть онъ будетъ въ умѣ преподавателя, какъ нить, невидимо связующая весь курсъ аналитическихъ упражненій. Мы особенно возстаемъ противъ всякихъ догматическихъ объясненій тамъ, гдѣ содержаніе объясняемаго предмета совершенно-чуждо воспитанникамъ. Къ приведенному нами выше опредѣленію Поэзіи очень легко достигнуть, просто разобравъ даже одну изъ басенъ Крылова. Возьмемъ въ примѣръ басню: Осель и Соловей.

Осель увидѣлъ соловья

И говоритъ ему: «Послушай-ко, дружице,

Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище...» и проч.

Начнемъ съ того, что воспитанникъ прочтетъ эту басню и перескажетъ ея содержаніе. Слѣдуютъ вопросы:

Кто здѣсь представленъ? Кого надо разумѣть осломъ и соловьемъ?

Сошлись два очень противоположныхъ человѣка: одинъ невѣжда, и высокоумно судить о томъ, чего не понимаетъ; другой простодушный пѣвецъ — талантъ, которому выпало на долю плѣнять своимъ искусствомъ ослѣпныя уши.

Пусть преподаватель приведетъ нѣсколько примѣровъ подобныхъ столкновений между людьми, и характеры объяснятся. Цѣль его при этомъ указать воспитаннику, что характеры взяты Крыловымъ изъ жизни, а не вымышлены произвольно. Слѣдовательно, *Крыловъ изображаетъ жизнь.*

Послѣ-этого воспитаннику предстоитъ трудъ собрать вмѣстѣ въ прочитанной баснѣ всѣ черты, изображающія высокоумнаго невѣжду и всѣ черты талантливаго пѣвца. Оселъ первый разъ увидѣлъ соловья, и уже обращается къ нему очень самоуверенно (что называется, фамильярно): «Послушай-ко, *дружнице!*» Дерзость, тонъ покровительства, грубая самонадѣянность (*самъ* посудить, и проч.), важный видъ глубокомыслія (уставясь въ землю лбомъ), рассчитанная умѣренность похвалы (нужно-же немного поощрить талантъ, который всѣми признанъ: въ-противномъ-случаѣ оселъ, вѣроятно, не удостоилъ-бы соловья и этой похвалы) — и въ заключеніе всего, блистательная глупость: вотъ, черты, которыя, будучи собраны вмѣстѣ, ярко характеризуютъ невѣжду. Точно-также, въ соловьѣ Крыловъ изображаетъ необыкновенное разнообразіе таланта и его чудное дѣйствіе на всю окружающую природу. Конечно, не безъ намѣренія, авторъ обрисовываетъ съ такою подробностью прелесть соловьиной пѣсни. Цѣль его была представить *полный* образъ невѣжды и могучаго таланта. Полный образъ соединяетъ разбросанныя черты жизни въ одно цѣлое, — и это живое единство называется *идеей*. Преподаватель можетъ привести еще нѣсколько примѣровъ, какъ образъ и идея сливаются вмѣстѣ. Слѣдовательно, Крыловъ, *изображая жизнь, представляетъ ее въ идеѣ*: то-есть, *сосредоточиваетъ* разнообразныя ея явленія въ *одномъ полномъ образѣ*. Этимъ-самымъ онъ *возсоздаетъ* жизнь, то-есть, изображаетъ ее, принимая во вниманіе не отдѣльный только фактъ, а тѣ основанія, по которымъ образуются всѣ однородные факты. Такое возсозданіе жизни называется *Поэзіей*. Въ дополненіе къ этому объясненію преподаватель расскажетъ, какъ та-же самая мысль Крылова объ отношеніяхъ невѣжды-критика къ таланту могла-бы быть развита прозаически, т. е. въ какомъ-нибудь разсужденіи на тему: «Избави насъ Богъ отъ глупыхъ судей». Во многихъ басняхъ Крылова

тотъ и другой способъ въ развитіи мысли встрѣчается рядомъ, и нѣтъ ничего легче, какъ указать ихъ существенное различіе.

Когда такимъ-образомъ утвердится истинное понятіе о Поэзіи, уже можно, начиная синтетически съ общаго опредѣленія, дѣлать частные выводы. Можно сказать: «Такъ-какъ образъ и идея въ поэзіи нераздѣльны, то не будетъ поэтическимъ сочиненіе, въ которомъ находимъ одно даггеротипное изображеніе жизни безъ общей руководящей идеи, или одну отвлеченную идею, не представленную въ наглядномъ образѣ, и т. д.

Скажутъ, что, объясняя предметъ подобнымъ образомъ, мы не въ состояніи будемъ пройти курса, назначеннаго программю. Противъ этого мы не споримъ: тамъ, гдѣ вся забота не объ основательномъ изученіи предмета, а объ выполненіи той или другой программы, пускай ученіе и остается одною программю. Съ своей стороны мы думаемъ, что лучше пройди немного, да съ тѣми подробностями, которыя оставляютъ въ душѣ живое, вѣчное знаніе. Иначе наука будетъ состоять въ однихъ оглавленіяхъ, да въ тѣхъ коротенькихъ рецептахъ, заучиванье которыхъ на-самоу-дѣлѣ подобно впечатлѣнію отъ принятой микстуры. Всѣ говорятъ, что нужно практически, практически знакомить съ предметомъ: многіе даже преимущественно занимаются въ классахъ чтеніемъ писателей. Но щедурное руководство лежитъ по прежнему въ видѣ книги или тетради на столѣ, и его непременно слѣдуетъ вы зубрить къ экзамену. Такимъ-образомъ экзаменъ почти никогда не соответствуетъ тому, чѣмъ занимается мыслящій преподаватель въ классѣ. При нашей всеобщей, болѣзненной страсти заучивать на память и лѣности мыслить, я полагаю въ настоящее время рѣшительно необходимымъ не давать по теоріи никакихъ руководствъ или записокъ, а заставлять самихъ воспитанниковъ при разборѣ выискивать правила. Задавая разнообразныя разборы, вы по-немногу приведете ихъ къ пониманью системы, которую вовсе не трудно удержать въ головѣ, когда вполне понято содержаніе Науки. Мы должны наконецъ понять, что для учащагося главная польза не въ опредѣленіяхъ, а въ усвоеніи того, что подъ опредѣленіями заключается. Усвоивъ надлежащимъ образомъ содержаніе, онъ, можетъ, дать и свое опредѣленіе, которое будетъ ничѣмъ не хуже помѣщеннаго въ руководствѣ. Вся цѣль науки достигнута наконецъ системы знаній; но пусть эта система будетъ не одинъ мертвый остовъ, пусть воспитанникъ *пойметъ* ее, участвуя самъ при ея построеніи. Я думаю, что нѣтъ ничего вреднѣе, какъ,

набивая голову опредѣленіями, безпрестанно закручивать умъ въ эту систему подобно тюку съ товарами. Надо всегда знать, сколько способенъ усвоить ея воспитанникъ, по степени своего развитія. Система можетъ быть и въ объясненіи немногихъ отдѣльныхъ фактовъ, и въ цѣлости рода, и въ соединеніи родовъ, составляющемъ отдѣльную отрасль знанія, и въ связи всѣхъ наукъ между-собою. Возносясь-же слишкомъ высоко, чтобъ лучше видѣть, мы наконецъ ничего не видимъ. Чтобы дать живую систему знаній, надо постепенно приготовить къ ней воспитанниковъ знакомствомъ съ фактами.

Такимъ только образомъ практика можетъ соединиться съ теоріей.

В. Ведовозовъ.

Нѣсколько замѣчаній объ охотѣ въ Россіи. — Ни одна страна въ Европѣ не представляетъ такихъ богатыхъ мѣстъ для охоты, какъ Россія и нигдѣ не можетъ быть такого разнообразія охотъ, какъ у насъ. Мѣста, не занятого людьми, въ Россіи больше, нежели во всей остальной Европѣ, и на этомъ громадномъ пространствѣ встрѣчаемъ мы климатъ сѣвернаго полюса, климатъ южной Европы и средней Азіи, и тундры Лапландцевъ и Самоѣдовъ, и знойныя степи границъ Персіи.

На сѣверѣ, въ лѣсахъ и тундрахъ, бродятъ стада оленей, лоси, медвѣди и чернобурыя лисицы, и только здѣсь, на нашемъ сѣверѣ, до 56° сѣв. ш., живетъ рябчикъ; дрофа и стрепетъ, рѣдкіе гости въ южной Европѣ, встрѣчаются стадами въ средней и южной Россіи; на югѣ, въ Кавказскихъ горахъ и степяхъ, — другое, даже неизвѣданное, царство дичи; тамъ разныхъ породъ дикія козы, изъ которыхъ туръ и джейранъ *), принадлежатъ собственно Кавказу; тамъ кабаны, нѣсколько породъ медвѣдей, кунпцы, бобры, фазанъ и турачъ; далѣе, къ границамъ Персіи, въ лѣсахъ и камышахъ по Араксу, находятся во множествѣ барсы и царскій тигръ **). Зайцевъ, волковъ, простыхъ лисицъ и всей четвероногой и пернатой дичи, у насъ нечего считать, — она въ Россіи повсюду и въ такомъ изобиліи, какого Европа не видала у себя, можетъ-быть, со временъ начала своихъ государствъ.

*) Джейранъ, родъ антилопы, самаго маленькаго роста. Татары закавказскіе травятъ ихъ борзыми собаками.

**) Tigre royal, самая большая порода тигровъ краснаго цвѣта, съ черными полосами.